

А. Н. Саликов

**РУССКИЕ
В «КАНТ-ШТУДИЕН»
Часть II
1954—2012¹**

Данная статья – вторая часть исследовательской работы, посвященной публикации отечественных мыслителей в «Кант-штудиен» (*Kant-Studien*), ведущем периодическом журнале мирового кантоведения и главном печатном издании международного «Кантовского общества». Излагается краткая история публикаций отечественных авторов в «Кант-штудиен» за период с 1974 по 2008 г.

This article is the second part of the research concerning the publications of Russian scholars in Kant-Studien, the leading periodical dedicated to Kantian studies and the most important print of International Kant Society. The article describes the history of publications of Russian authors from 1974 to 2008.

Ключевые слова: отечественное кантоведение, философия Канта, «Кант-штудиен» (*Kant-Studien*), русская философия, неокантианство, русское неокантианство.

Key words: Russian Kantian studies, Kant's philosophy, *Kant-Studien*, Russian philosophy, Neokantianism.

Послевоенный (или второй) период публикаций отечественных авторов в «Кант-штудиен», выпуск которого возобновился в 1954 г., условно можно разделить на два подпериода: советский (1954–1991) и российский (1992–2010). Эти временные отрезки имеют как общие, так и специфические черты. Для советского периода, особенно в первые годы после снятия жесткого запрета на публикации за рубежом, весьма характерно преобладание обзоров и библиографий советской кантоведческой литературы над теоретическими статьями и информативными сообщениями. Это давало западным кантоведам и любителям философии Канта определенное представление об общей направленности и тематике проводимых в СССР исследований, однако не позволяло ни оценить

¹ Часть I см. в: *Кантовский сборник*. 2011. № 2(36). С. 95–106.

уровень этих работ, ни ознакомиться с их содержанием. С середины 1980-х гг. в значительной мере выросло количество сообщений информативного характера, появилась возможность, пусть и ограниченная, научных контактов между западными и советскими кантоведами, что было обусловлено смягчением внешнеполитического курса СССР.

В первые годы после распада СССР сохраняются тенденции советского времени: публикации носят преимущественно информативный характер, крайне мало теоретических статей. В то же время для российского подпериода истории публикаций отечественных философов в «Кант-штудиен» характерна наметившаяся тенденция более активного участия российских ученых в международном кантоведческом дискурсе, более активное участие в международных конференциях и форумах. Всего за весь период существования второго «Кант-штудиен», то есть с 1954 г. (по сути, с 1974 г.) по настоящий момент, было опубликовано в общей сложности почти 50 разного рода работ, причем теоретические статьи составляют среди них сравнительно небольшое количество, всего около 10 %, и половина из них — это обзоры отечественных источников. Значительная часть публикаций отечественных авторов и статей о них — это различные сообщения, рецензии и объявления. Такое чисто информативное присутствие отечественных авторов можно объяснить выпадением советского кантоведения из общемирового кантоведческого контекста, отсталостью в плане знакомства с современной исследовательской литературой по Канту, отсутствием доступа к глобальному исследовательскому форуму и невозможностью обмениваться мнениями и участвовать в дискуссиях с западными коллегами.

За исключением нескольких публикаций философов-эмигрантов: статьи «Персоналистический идеализм» Николая Лосского [35], рецензии на книгу «Кант» Александра Кожева [30] и нескольких рецензий на работы Николая Гартмана и статей о нем [20; 21; 27; 29; 59], — период с 1954 г. (года возобновления издания «Кант-штудиен») по 1991-й (последний год существования СССР) можно охарактеризовать как «советский», поскольку авторы всех остальных опубликованных в «Кант-штудиен» или рецензируемых в этот период работ проживали на территории СССР. Первая советская публикация в послевоенном «Кант-штудиен» появилась лишь в 1974 г. Очевидно, что этот пробел не был связан с отсутствием в СССР исследований в области философии Канта: первая же опубликованная во втором номере «Кант-штудиен» статья советского автора — академика Т. И. Ойзермана — свидетельствует об обратном.

Статья Ойзермана примечательна прежде всего тем, что дает расширенный и подробный обзор работ советских исследований по Канту с начала 20-х по 70-е гг. прошлого столетия. Так, в статье отмечается, что за эти полвека в СССР было опубликовано свыше 170 исследований и научно-популярных работ по кантовской философии, кандидатских и докторских диссертаций, статей в философских журналах, обширных монографических исследований и популярных брошюр. Столь большое количество публикаций свидетельствует о глубоком интересе советского читателя к философии Канта. Этот вывод подтверждается еще и тем, что изданное в 1963–1966 гг. на русском языке собрание сочинений Канта тиражом 35 тыс. экземпляров полностью разошлось буквально за несколько месяцев. Одна-

ко до начала 1970-х гг. отечественные исследователи философии Канта фактически не имели контактов со своими западными коллегами, в результате чего советское кантоведение развивалось в условиях ограниченного научного пространства СССР и стран соцлагеря.

Лишь в 1974 г. власти санкционируют первую советскую публикацию в «Кант-штудиен» — статьи Ойзермана «Исследование философии И. Канта в Советском Союзе» [49]. Разумеется, эта статья не выходит за рамки официальной идеологии (иначе ее никто не допустил бы к публикации в западном журнале) и призвана нарисовать перед западным читателем картину обширного и глубокого развития кантоведения в СССР (то есть показать высокий уровень советской науки в целом и кантоведения в частности). Будущий академик (Ойзерман стал им в 1981 г.) сделал весьма обширный и довольно обстоятельный обзор советских работ о Канте за полувековой период существования СССР, дающий полное представление о пути, пройденном кантоведением в Советском Союзе с начала 20-х до начала 70-х гг. XX в. Как отмечает Ойзерман, первые исследования кантовской философии появляются на страницах советских журналов уже в начале 1920-х гг., причем значительная их часть отмечена явно негативным мнением (часто некомпетентным, подчеркивает автор обзора) об учении Канта. Среди этих работ будущий академик отмечает статью Ив. Боричевского «Идеалистическая легенда о Канте», вышедшую в 1923 г. в журнале «Вестник социалистической академии» [3] и написанную в духе широко распространенного тогда вульгарного позитивизма.

Однако уже в то время наметилась тенденция взвешенного и систематического анализа философии Канта. У истоков советского кантоведения стояли такие ученые, как А.М. Деборин² (см. например, его статьи: «Легкомысленный критик» [8] — ответ на вышеупомянутую статью Боричевского; «Диалектика в системе Фихте» [7]; «Диалектика у Канта» [9]) и В.Ф. Асмус (см. монографию В.Ф. Асмуса «Диалектический материализм и логика. Очерк развития диалектического метода новейшей философии» [1]; его же монографию «Диалектика Канта» [2]). Таким образом, уже в первые годы советской власти сформировалось марксистское кантоведение, важнейшим направлением которого стало исследование диалектической проблематики философии Канта. В дальнейшем исследование вопросов диалектики в кантовской философии привлекало все большее внимание советских исследователей. Ойзерман отмечает среди прочих работы И.Е. Зуева «Элементы диалектической логики в трансцендентальной логике Канта» [10], Э.В. Ильенкова «Предмет логики как науки в новой философии» [11], А.М. Мостапенко «Космологические антиномии и проблема диалектического противоречия» [12].

Исследование диалектической полемики в философии Канта повлекло за собой рассмотрение широкого круга проблем в кантовской теории познания. Одной из первых советских работ, уделявших особое внимание гносеологии Канта, была книга В. Серезникова «Кант» [16], в которой автор в духе своего времени пытается увязать решение проблем теории познания с необходимостью социальных преобразований в обществе и рево-

---

² Деборин, Абрам Моисеевич (настоящая фамилия Иоффе; 1881—1963) — российский и советский философ-марксист, один из создателей Института философии АН СССР, академик АН СССР (1929).

люции. Ряд советских исследователей философии Канта — В.Ф. Асмус, Ю.М. Бородай, Ж. Абдильдин, Т.И. Ойзерман, а также П.Д. Шашкевич в книге «Теория познания И. Канта» [18] — придают первостепенное значение сравнительному анализу проблемы теоретико-познавательной интерпретации: как она ставится, с одной стороны, у Канта, а с другой — в философии марксизма. В качестве основополагающей особенности многих советских исследований кантовской философии Ойзерман видит то обстоятельство, что ряд поднятых Кантом проблем теории познания актуален и для философии марксизма.

В 1970-е гг. западным специалистам стали доступны работы советских кантоведов, по крайней мере на русском языке. Как результат — появление достаточно большого количества рецензий, что в итоге позволило в общих чертах познакомить зарубежного читателя с советскими исследованиями по Канту. Некоторые из этих работ были со временем переведены на иностранные языки и стали своего рода «бестселлерами», что косвенно свидетельствует о достаточно высоком уровне проводимых в СССР исследований, несмотря на идеологическое и политическое давление. Несколько выбивается из этого ряда рецензий на работы советских кантоведов рецензия [31] на книгу «Кант» [30] французского философа русского происхождения Александра Кожева³, вышедшую во Франции в 1952 г. Кожев не был кантоведом в строгом смысле этого слова, в большей степени он известен как автор оригинальной трактовки системы Гегеля, которая оказала значительное влияние на французскую и европейскую философию XX в. Однако идеи Канта не были безразличны русско-французскому мыслителю, что и послужило побудительным мотивом для написания им замечательной работы о Канте.

Первая послевоенная рецензия [60] на работу собственно советского автора публикуется в «Кант-штудиен» в 1976 г.: это была рецензия на сборник «Философия Канта и современность» [18], вышедший под редакцией Т.И. Ойзермана в 1974 г. Полуофициальная (как ее называет рецензент) публикация Института философии АН СССР была посвящена 250-летию со дня рождения Канта. Из 12 статей 8 посвящались непосредственно Канту; и лишь одна из них написана иностранным автором — Манфредом Буром (Manfred Buhr). Статьи, представленные в сборнике, рассматривают следующие элементы критической философии: проблему трансцендентального идеализма и трансцендентального метода (В.Ф. Асмус), антиномии (И.С. Нарский), этику Канта (О.Г. Дробницкий), теорию государства и права (А.А. Пионтковский), теорию общественного договора и морального обоснования права (Э.Ю. Соловьев), теорию вечного мира (И.С. Андреева) и эстетику (А.В. Гулыга). В целом, считает рецензент «Философии Канта и современности», данный сборник свидетельствует о росте интереса к философии Канта в СССР.

В 1977 г. «Кант-штудиен» публикует рецензию [37] на книгу Г. Тевзадзе «Иммануил Кант» [17]. Эта работа известного советского философа и кантоведа, вышедшая в Тбилиси в 1974 г. на грузинском языке, сопровождалась кратким изложением содержания на русском и немецком, что позволило Рудольфу Мальтеру составить представление о содержании книги. Автор

---

³ Александр Кожев (фр. Alexandre Kojeve, настоящее имя Александр Владимирович Кожевников, 1902–1968 — французский философ русского происхождения.

рецензии был удивлен наличием резюме на немецком языке в советском издании — факт необычный, если учитывать закрытость СССР и практически полное отсутствие контактов советских ученых с зарубежными коллегами. Тем не менее аннотация на немецком языке позволила узнать западным читателям о существовании советского кантоведения, причем не только в признанных культурных центрах СССР — Москве и Ленинграде, — но и на «периферии», в Грузии.

В 1979 г. «Кант-штудиен» публикует рецензию [52] на книгу Арсения Гулыги «Кант» [6], вышедшую в том же году в знаменитой серии «Жизнь замечательных людей». По мнению автора рецензии, «Кант» Гулыги представляет собой в первую очередь определенного рода интерпретацию истории развития кантовского мышления. Информация о жизни и характере Канта, его отношениях с современниками и описание культурно-исторического плана выполняют в этой связи функцию рамок, определяющих структуру книги. Рецензент отмечает особое понимание Канта, представленное Гулыгой и не выводимое ни из одного направления, существующего в России или за ее пределами. Весьма характерен и совет, который дает Гулыга изучающим кантовскую философию: сначала читать «Антропологию с прагматической точки зрения», потом «Метафизику нравственности», которая знакомит с этикой и теорией права — альфой и омегой учения Канта, затем «Критику способности суждения», и лишь после всего этого приступать к «Прологоменам» и «Критике чистого разума». Таким образом, полагает советский кантовед, «Критика практического разума» может вначале вообще остаться за пределами рассмотрения. В 1981 г. «Кант» Гулыги был переведен на немецкий, а в 1986 г. в «Кант-штудиен» появляется рецензия [38] Рудольфа Мальтера уже на перевод книги Гулыги «Иммануил Кант». Книга эта к настоящему моменту неоднократно переиздавалась в Германии и получила признание со стороны немецких читателей и специалистов.

В 1981 г. в «Кант-штудиен» публикуется рецензия [54] на книгу Д.М. Гринишина, М.М. Михайлова и В.П. Прокопьева «Иммануил Кант» [5], вышедшую в 1976 г. в Ленинграде. Эта сравнительно небольшая работа (всего 94 страницы) представляет собой краткий очерк жизни и философии Канта, при этом кёнигсбергский ученый изображается авторами книги как образец верного следования долгу, аскетического образа жизни, что, однако, никогда не превращало его в нелюдимого и необщительного человека. Докритическое творчество Канта Гринишин, Михайлов и Прокопьев характеризуют как непоследовательный научный материализм. Авторы книги полагают, что философия Канта вполне может быть усовершенствована при помощи предложенного советскими марксистами постулата «практика как критерий истины» (немецкий рецензент называет его «критерием материальной практики»). Несмотря на эту неоднозначную тенденцию, немецкий рецензент отмечает немалую заслугу авторов книги в попытке представить основные идеи Канта широкой советской общественности.

В 1982 г. «Кант-штудиен» публикует рецензию [53] на коллективную монографию «Кант и кантианцы» [4], вышедшую под редакцией А.С. Богомолова. Как видно из самого названия книги, она представляет собой обзор философии Канта и его эпигонов и включает следующие главы: «Система кантовской философии и ее трансформация в неокантианстве» (В.А. Жучков), «Кант, кантианство и европейская философия XIX в.»

(А. С. Богомолов), «Логическое обоснование научного мышления в марбургской школе неокантианства» (Т. Б. Длугач), «Принцип всеобщего опосредования в неокантианстве марбургской школы» (П. П. Гайдено), «Философия культуры Э. Кассирера» (А. А. Кравченко), «Неокантианство в России» (Л. И. Филиппов), «Кантианство и этический социализм» (Л. В. Коновалов). Автор рецензии обращает внимание на позицию советских кантоведов, которые считают, что хотя четко определено, что у Канта и кантианцев следует сохранить, тем не менее настоящими последователями этики Канта выступают его серьезные критики — марксисты, которые в великом немецком философе видят своего предшественника. Особый интерес вызывает у рецензента глава о неокантианстве в России: прежде всего, о рецепции философии Канта в русском символизме (у А. Белого, А. Блока), а также в философии представителя русского персонализма Н. Бердяева и у Н. Лосского, которые при всей отдаленности от Канта все-таки выстраивают свою философию на созданном Кантом фундаменте.

В этом же номере «Кант-штудиен» публикуется рецензия [55] на книгу И. С. Нарского⁴ «Иммануил Кант» [13], вышедшую в СССР в 1976 г. В ней Нарский объясняет советским читателям основные понятия философии Канта, такие как «а priori», «чистый разум» и т. д. Автор книги подчеркивает необходимость для марксистско-ленинской философии изучать Канта, а также не принимать во внимание некритические высказывания Гегеля о Канте, что долгое время было характерно для марксизма-ленинизма. Главную заслугу Канта Нарский видит в вопросе о необходимости содержательных условий для любого опытного знания. Кантовская трансцендентальная эстетика и логика, по мнению Нарского, демонстрируют неспособность априоризма и агностицизма Канта породить какое-либо позитивное знание. В то же время Нарский отмечает как заслугу Канта указание им на противоречивость разума и мышления.

Помимо обзоров советских исследований по кантовской философии, было опубликовано и несколько библиографий советских работ по Канту. Первой в этом жанре стала опубликованная в «Кант-штудиен» за 1976 г. статья О. И. Поликановой «Библиография советских исследований по философии Канта (1917–1971)» [50]. Эта весьма обширная работа, сделанная сотрудницей отдела истории философии стран Западной Европы и Америки, содержит 167 источников, затрагивающих практически все области кантовской философии, что позволяет западному читателю составить довольно четкое представление об основных направлениях в советском кантоведении и о его генезисе с 1917 по 1971 г. Спустя 6 лет библиография Поликановой была дополнена вышедшей в 1982 г. библиографией советских работ за период с 1972 по 1976 г., составленной В. А. Жучковым и содержащей информацию о 113 работах [61]. Даже простое сопоставление цифр: 167 работ за 55 лет (с 1917 по 1971 г.) и 113 работ за 5 лет (с 1972 по 1976 г.) — свидетельствует не просто о значительном повышении в СССР интереса к философии Канта в 70-е гг. прошлого века, но о своеобразном «кантианском буме».

---

⁴ Нарский, Игорь Сергеевич (1920–1993) — советский философ и историк философии. И. С. Нарским опубликована серия статей о Канте во всех выпусках «Кантовского сборника» до 1991 г., начиная с момента его основания в 1975 г. под названием «Вопросы теоретического наследия Иммануила Канта» («Кантовским сборником» он стал именоваться в 1981 г.).

Весьма любопытна серия рецензий и сообщений относительно развития кантоведения в Эстонии, небольшой прибалтийской республике СССР. Так, в 1987 г. в «Кант-штудиен» публикуется рецензия [48] на весьма примечательное издание, хотя и имеющее несколько опосредованное отношение к отечественному кантоведению (если под ним понимать исключительно русскоязычное). Однако в то время Эстония входила в состав СССР, а значит, и эстонское кантоведение того периода следует рассматривать как часть советского — следовательно, мы имеем полное право сказать о нем несколько слов в данной работе. Леонид Столович и Юло Матьюс, авторы рецензии, информируют читателей «Кант-штудиен» о вышедшем в 1982 г. переводе на эстонский язык «Пролегомен» — это второй по счету переведенный на эстонский текст Канта (первой была работа «Грезы духовидца», правда в сокращенном варианте). Авторы сообщения пишут о трудностях перевода Канта на эстонский язык, а также указывают на роль кафедры философии Тартуского университета в формировании в республике философского языка и философской терминологии. Столович и Матьюс отмечают значимость перевода «Пролегомен» для формирования философской терминологии эстонского языка и в целом для развития философской мысли в Эстонии.

К сообщению о переводе «Пролегомен» тематически примыкает и сообщение Рудольфа Мальтера об истории кантианы в Тартуском университете [39]. Оно основывается на статье Леонида Столовича «О судьбе тартуской кантианы», опубликованной в эстонской газете «Sirp ja Vasar» и в журнале «Тартуский государственный университет», в которой сообщается о находящихся в Тарту манускриптах Канта. Наибольшую ценность в собрании тартуской кантианы представляют письма Канта, рабочие экземпляры книг — «Извлечение из учения о разуме» («Auszug aus der Vernunftlehre») Майера и «Метафизика» Баумгартена (четвертое издание 1757 г.) — богатый источник постраничных заметок. Все это оказалось в Тарту благодаря ученику Канта Йеше. Последний завещал собрание связанных с Кантом предметов Карлу Моргенштерну, основателю библиотеки Тартуского университета, который и сам был лично знаком с Кантом. Моргенштерн, в свою очередь, подарил весь корпус документов библиотеке Тарту. Манускрипты хранились здесь до 1895 г., но с согласия российского правительства были переправлены во временное пользование в Берлин, в Королевскую академию наук для использования при подготовке академического издания трудов Канта. Долгое время предполагалось, что тартуская кантиана могла быть уничтожена во время Второй мировой войны. Однако Столовичу все же удалось найти большую часть переписки и книгу Майера. Мальтер отмечает готовность к содействию в поиске пропавших манускриптов Канта со стороны соответствующих институтов стран Восточного блока. В 1987 г. он сообщает результаты разысканий, связанных с судьбой тартуской кантианы [40]. Как выяснилось, тартуская кантиана помимо уже указанного содержит и диссертацию Кройцфельда, в которую Кант внес свою речь оппонента и отдельные записи и которая хранится в университетской библиотеке Тарту. Для кантоведения особое значение имеет копия посмертной маски Канта в Музее классических древностей Тартуского университета, а также копии портретов ученика Канта Йеше и Й. К. Г. Моргенштерна, много сделавшего для сохранения тартуского наследия Канта.

Во второй половине 1980-х гг. публикуется масса сообщений и разного рода информации относительно положения дел в Калининграде, бывшем Кёнигсберге. Зарубежных читателей интересовало буквально все связанное с городом Канта и его состоянием. Однако Калининград долгое время оставался закрытым для посещения иностранцами городом, по этой причине информация о нем была скудна и малодоступна. И даже кантовский конгресс 1974 г., который изначально планировалось провести в Калининграде и сделать международным, был проведен в Риге, а из зарубежных специалистов на него были приглашены лишь кантоведы из стран соцлагеря. Информация о событиях в Калининграде поступала к западным читателям через «вторые руки», то есть через центральные советские журналы и газеты. Основными авторами сообщений о положении дел в Калининграде, о состоянии связанных с Кантом реликвий и памятных мест, о развитии исследований философии Канта в Калининграде были Рудольф Мальтер, видный немецкий кантовед, один из издателей «Кант-штудиен», и Эрнст Штаффа, филолог-славист (оба из Майнца, где к тому времени и издавался «Кант-штудиен»). Всего они написали около полутора десятка сообщений об исследовании философии Канта в СССР, причем больше половины из них касались положения дел в Калининграде.

Первой информацией, свидетельствующей о существовании в этом «закрытом» городе кантоведческих исследований, стала опубликованная в 1982 г. рецензия [56] на философский журнал «Кантовский сборник», издаваемый в Калининграде. По сути, рецензия состояла из перечисления названий статей, опубликованных в шестом выпуске этого сборника, среди которых были работы К.Н. Любутина, Н.И. Шашкова, И.С. Нарского, С.А. Чернова, Л.А. Калининкова, И.С. Кузнецовой, А.Н. Тропольского, С.В. Корнилова, А.В. Гулыги, Б.К. Гензелиса, Д.М. Гринишина и И.С. Андреевой. Отсюда уже можно было сделать вывод о наличии в Калининграде кантоведения и кантоведческих исследований.

В 1985 г. в «Кант-штудиен» появляется рецензия [36] на вышедшую в 1983 г. книгу [46] Эрнста Штаффы и Рудольфа Мальтера, которая содержит эксклюзивную для западного читателя на тот момент информацию о послевоенной судьбе кёнигсбергской кантианы и о состоянии кантоведения в Кёнигсберге в 1945 г. Как и следовало ожидать, сообщают авторы, от кёнигсбергской кантианы в Калининграде практически ничего не сохранилось: во время Второй мировой войны книги и экспонаты были либо вывезены из города, либо погибли. В созданном в 1974 г. в Калининграде музее Канта хранятся, за редким исключением, фотографии и копии экспонатов. В то же время и на Западе, даже несмотря на заслуживающий уважения Дом Канта в Дуйсбурге, отдельные фрагменты кёнигсбергской кантианы крайне рассредоточены. Что касается интереса к Канту и развития кантоведения в Калининграде, то Штаффа и Мальтер отмечают подъем в этом плане начиная с 1974 г.: помимо музея Канта, существующего с 1974 г., издается философский журнал «Кантовский сборник», посвященный изучению наследия великого кёнигсбергского философа; регулярно проводится конференция «Кантовские чтения», собирающая кантоведов со всего СССР.

В 1988 г. тема «Кант в Кёнигсберге (Калининграде)» получает продолжение в «Кант-штудиен» благодаря сообщению Рудольфа Мальтера [41], в котором он пишет о стремлении советских философов продолжить кёнигсбергскую традицию кантоведения и в качестве доказательства приводит

11 выпущенных до 1986 г. «Кантовских сборников». Мальтер также отмечает весьма любопытный факт: не только западные исследователи философии Канта с интересом следят за развитием кантоведения в СССР, но и советские специалисты в области философии Канта внимательно наблюдают за исследователями западных коллег; здесь прежде всего подразумевается статья И. С. Нарского и Л. А. Калининкова «Кантовское общество в ФРГ и его журнал "Кант-штудиен"» [14], опубликованная в №10 «Кантовского сборника» за 1985 г. В 1989 г. Мальтер сообщает в «Кант-штудиен» о предстоящей реконструкции Кафедрального собора, в котором планируется разместить и музей Канта [42], а в 1991-м он пишет [44] о вышедшем в 1989 г. №14 «Кантовского сборника», который, помимо прочего, содержит доклады IV Кантовских чтений.

В первые годы после распада СССР наблюдалось увеличение публикационной активности отечественных философов-кантоведов в зарубежных изданиях, однако связано это было прежде всего с ослаблением, а затем и снятием запретов на публикации отечественных ученых в зарубежных изданиях и на участие в международных научных мероприятиях. В остальном же сохраняется тенденция советского времени: публикации носят преимущественно информативный характер, крайне мало теоретических статей. К примеру, за почти 20 лет (начиная с 1992 г.) в «Кант-штудиен» опубликовано лишь шесть статей (из них три – теоретические) отечественных авторов (причем двое из этих авторов – Елена Татиевская и Кирилл Фараджев – уже давно живут и работают в Германии), при довольно значительном числе разного рода сообщений, библиографических материалов и обзоров. В целом же для российского периода истории публикаций отечественных философов в «Кант-штудиен» характерна наметившаяся тенденция более активного участия в теоретических кантоведческих дискуссиях, что, несомненно, стало результатом увеличения после распада СССР взаимных контактов отечественных и зарубежных ученых, получения доступа к первоисточникам и критической литературе, отмены цензуры и т. п.

С начала 1990-х гг. одним из главных, помимо Москвы, местом встречи российских и немецких кантоведов становится российский Калининград. В связи с этим в 1990-е и 2000-е гг. в «Кант-штудиен» опубликовано множество всякого рода сообщений и объявлений, так или иначе связанных с Кантом и его философией. Так, автором первой постсоветской публикации (первой российской публикации) стал В. Н. Брюшинкин, известный российский логик из Калининграда. Его сообщение опубликовано в №85 за 1994 г. [23] и представляет собой обзор состоявшейся в сентябре 1991-го в Светлогорске конференции «Логическое кантоведение – 3». Конференция собрала около 40 участников, причем на ней были логики и философы из Бельгии, Германии и Венгрии. В этом же номере «Кант-штудиен» сообщается об основании Российского кантовского общества под председательством профессора Л. А. Калининкова [45], а также о восстановлении памятника Канту работы Рауша: 27 июня 1992 г. вновь отлитая скульптура была установлена на старом цоколе. Об этом также много писалось в немецкой прессе: в «Кёнигсбергер курьер» («Königsberger Kurier»), «Франкфуртер альгемайне цайтунг» («Frankfurter Allgemeine Zeitung»), «Нойе цайт» («Neue Zeit»), «Дас остпрройссенблат» («Das Ostpreussenblatt»). В №88 за 1997 г. сообщается об участии профессора Калининкова в открытии па-

мятника Канту в Голдапе (в этом мероприятии помимо польской и немецкой сторон участвовали и россияне) [25]. Монумент этот был воздвигнут на выездной дороге из Голдапа в Калининград. Сотрудничество между немецкими и российскими кантоведами выразилось и в учреждении в 1998 г. фондом «Ди цайт» («Die Zeit») стипендиальной программы «Иммануил Кант» [28]. Эта программа просуществовала до 2007 г. и была направлена на поддержку студентов и аспирантов философских специальностей в Калининграде и Санкт-Петербурге, чьи дипломные или кандидатские проекты связаны с философией Канта, на развитие кантоведения в России, а также на улучшение связи между немецкими и российскими молодыми учеными.

В последующие годы в «Кант-штудиен» было опубликовано еще несколько сообщений, представляющих собой либо объявления о предстоящих международных научных мероприятиях в Калининграде, либо отчеты о них. Среди них, например, сообщение В. Штарка и В.Ю. Курпакова о проведении под эгидой Российского кантовского общества и Калининградского государственного университета (Леонард Калининков, Владимир Брюшинкин) VIII Международной конференции по Канту в Светлогорске, приуроченной к 275-летию со дня рождения кёнигсбергского философа [34]; сообщение В.Н. Брюшинкина о проведении IX международной конференции «Кант между Востоком и Западом» [24].

Как уже упоминалось выше, за последние 20 лет в «Кант-штудиен» было опубликовано лишь несколько статей российских авторов. Их количество столь невелико, что не составляет никакого труда перечислить их все: это статьи В.Н. Брюшинкина «Кант, Фреге и проблема психологизма» [22]; Елены Татиевской (проживающей в Германии и преподающей в университете Аугсбурга с 2000 г.) «Теория познания Кона и понятие отношения Рассела» [58]; Нелли Мотрошиловой «Кант в России. Замечания по поводу восприятия и издания в России Канта в связи с проектом немецко-русского издания избранных трудов Иммануила Канта» [47]; Алексея Круглова «Лев Николаевич Толстой как читатель Канта. К истории влияния Канта в России» [32]; научного сотрудника Рурского университета Кирилла Фараджева «Проект практической философии неокантианства М. Рубинштейна: педагогика как прикладная ценностная система» [26]; А.Н. Круглова «"Моя жизнь подобна роману...": ученик Канта Фридрих Август Ханридер и его история» [33]. Вот, пожалуй, и всё «представительство» отечественных авторов в главном журнале кантоведения за российский период. Причины столь низкой активности во многом те же, что были и в советское время. К ним следует добавить и общее плачевное состояние российского образования и науки, а также смену поколений, хотя на место старой, сформировавшейся еще в период «кантовского бума» 1970-х гг. плеяды кантоведов, по сути, так и не пришло пока новое поколение. Редкие исключения, например А.Н. Круглов, скорее подтверждают эту сложившуюся в отечественном кантоведении тенденцию.

Что касается содержания вышеупомянутых статей, то все они представляются довольно интересными и выглядят весьма достойно на общем фоне работ, опубликованных в «Кант-штудиен». К сожалению, за неимением возможности, ограничусь лишь кратким изложением сути этих статей. В статье «Кант, Фреге и проблема психологизма» Владимир Брюшин-

кин, известный российский логик и философ из Калининграда, пытается выяснить позицию Канта по отношению к проблеме психологизма в философии логики. Его интересуют и вопросы о том, как выглядит позиция Канта с точки зрения Фреге — представителя последовательного антипсихологизма; каким образом сам Кант отвечает на вопрос об обосновании логических процедур и моделировании ими мышления; отличается ли кантовское решение проблемы психологизма-антипсихологизма от решения, данного Фреге. Традиционно проблема психологизма в философии логики понимается, во-первых, как вопрос о возможности обоснования логики в терминах психологии и, во-вторых, как вопрос о типе отношений между логическими процедурами, с одной стороны, и эмпирическими (психологическими) данными о мышлении — с другой. Опираясь на высказывания Канта из «Логики Йеше» и «Критики чистого разума», автор статьи доказывает, что Кант на вопрос об обосновании логики отвечает: «Логика ничего не заимствует из психологии». Однако, по мнению Брюшинкина, Канта нельзя считать в полной мере антипсихологистом на основании одного лишь этого. Фреге, стоящий на позициях крайнего антипсихологизма, также считает, что некоторые высказывания Канта позволяют отнести его к сторонникам психологизма, если принимать во внимание кантовское положение о нормативной функции логики в мышлении. О том, что признание нормативности логики с концепцией психологизма вполне совместимо, свидетельствует, по мнению автора, пример Д. С. Милля. В то же время в «Критике чистого разума» и в «Логике Йеше» Кант однозначно утверждает, что логика не может быть обоснована при помощи психологии. Здесь Кант полностью согласен с Фреге, если можно так выразиться. При этом утверждение Канта о нормативной функции логики в мышлении может трактоваться с позиции Фреге как психологизм. Но в действительности, по мнению Брюшинкина, Кант признает нормативность логики и, следовательно, не расходится с Фреге. Однако эти положения еще не определяют ответ на второй вопрос проблемы психологизма. Такой ответ на него не столь очевиден и требует определенной работы по реконструкции логико-философских идей Канта. По мнению автора, Кант фактически расширяет понятие логической процедуры так, чтобы включить в него не только логические формы понятий, суждений и умозаключений (выводов), но и процедуры поиска вывода. Эта кантовская процедура, сходная, по мнению Брюшинкина, с современными процедурами поиска вывода, моделирует деятельность разума, которая в современных терминах *cognitive science* представляет собой «верхний» слой некоторой психологической модели мышления. Это позволяет автору выдвинуть тезис о том, что Кант дает утвердительный ответ на второй вопрос проблемы психологизма.

Опубликованная в 2000 г. статья Нелли Мотрошиловой «Кант в России. Замечания по поводу восприятия и издания в России Канта в связи с проектом немецко-русского издания избранных трудов Иммануила Канта» представляет немецкому читателю впервые вышедшее в России русско-немецкое двуязычное издание трудов кёнигсбергского философа. Это издание было подготовлено Институтом философии РАН совместно с немецким Кантовским обществом — Кантовским центром при Университете г. Майнца и группой исследователей из Марбурга. Презентацию двуязычного издания Мотрошилова сопровождает небольшим экскурсом в историю философии Канта в России.

В 2004 г. в «Кант-штудиен» была опубликована статья Елены Татиевской «Теория познания Кона и понятие отношения Рассела». К моменту ее выхода автор уже несколько лет как жила в Германии и работала в университете г. Аугсбурга. В ее статье рассматривается теория познания немецкого философа-неокантианца Йонаса Кона (1869–1947), изложенная им в работе «Предпосылки и цель познания: исследование основных проблем логики» (1908). В своей теории познания Кон опирается на некоторые идеи, высказанные Берtrandом Расселом в «Принципах математики» (1903), а именно на его теорию отношений. Автор статьи анализирует интерпретацию расселовского понятия отношения в теории познания Кона, а также значение этого понятия для других частей теории – учения о ценности и концепции познающего субъекта. В статье сравниваются функции теории отношений в системах Рассела и Кона, что позволяет выделить сходства и различия во взглядах этих двух авторов на основоположения логики, математики и философии.

Исследование известного российского историка философии А. Н. Круглова⁵ «Лев Николаевич Толстой как читатель Канта. К истории влияния Канта в России» построено по аналогии с существовавшими уже исследованиями о влиянии Канта на Достоевского и Вяч. Иванова в работах Я. Е. Голосовкера, Л. А. Калининкова и О. П. Беспалой, получившими в свое время большой читательский резонанс. Однако исследование Круглова посвящено отношению к Канту другого писателя – Л. Н. Толстого. На основе выписки из библиотеки графа в Ясной Поляне, в которой обнаруживается ряд работ Канта: «Критика чистого разума» на французском, «Критика практического разума» на немецком, «Религия в пределах только разума» на немецком, «Пролегомены» на русском в переводе Соловьева (в качестве приложения содержит русский перевод текста Куно Фишера о Канте), 12-томное издание собрания сочинений Канта на немецком (Берлин, 1900–1905) – Круглов делает вывод о том, что Толстой, безусловно, был знаком с работами Канта, по крайней мере некоторыми. Особенно внимательно Толстой читал французский перевод «Критики чистого разума», немецкое издание «Критики практического разума» и «Религии в пределах только разума», а также русский перевод статьи Куно Фишера. Это доказывают многочисленные заметки в данных книгах. Круглов отмечает, что Толстой был необычным читателем Канта – в «Критике чистого разума» его заинтересовало не учение Канта о пространстве и времени, дедукция категорий или антиномия чистого разума. Толстого интересовали прежде всего дисциплина, архитектоника и история чистого разума. В отличие, скажем, от Достоевского, Толстой, вне всякого сомнения, был близко и непосредственно знаком с текстами Канта. Вопрос, по мнению Круглова, заключается лишь в том, повлияли ли и в какой мере кантовские тексты на прозу Толстого.

Совсем недавно опубликованная в «Кант-штудиен» статья К. В. Фараджева⁶ «Проект практической философии неокантианства М. Рубинштейна:

---

⁵ Круглов Алексей Николаевич (род. 1973) – доктор философских наук, профессор кафедры истории зарубежной философии Российского государственного гуманитарного университета. Окончил философский факультет МГУ, исторический факультет Тверского государственного университета, аспирантуру Института философии РАН.

⁶ Фараджев Кирилл Викторович – кандидат философских наук, научный сотрудник Рурского университета (Бохум, Германия).

педагогика как прикладная ценностная система» [26] посвящена философско-педагогическим идеям М.М. Рубинштейна⁷, представителя русского неокантианства и члена созданного Хансом Файхингером Кантовского общества. Рубинштейн был учеником Риккерта и защитил под его руководством диссертацию в 1905 г. Помимо того что Рубинштейн был активным популяризатором философии Канта в России, он также известен участием в публичной полемике между славянофилами и почитателями кантовской философии, толчком к которой послужило начало Первой мировой войны и последовавшее резкое ухудшение российско-германских отношений. Эссе М.М. Рубинштейна «О логических основаниях гегелианской системы и конце истории» [51] было опубликовано в «Кант-штудиен» в 1906 г. В своей главной работе — «О смысле жизни» — Рубинштейн пытается синтезировать неокантианство и философию жизни.

Нельзя обойти вниманием еще одну работу А.Н. Круглова, которая только что опубликована в последнем, 103-м номере «Кант-штудиен» за 2012 г. под названием «"Моя жизнь подобна роману...": ученик Канта Фридрих Август Ханридер и его история» [33]. Это последняя на данный момент публикация отечественного автора в «Кант-штудиен». В статье на основе архивных и малоизвестных печатных источников реконструируется жизненная история ученика Канта — Ф.А. Ханридера, его необычайное пребывание в России, а также разнообразные попытки жить в соответствии с кантовской этикой по возвращении в Пруссию. История Ханридера напоминает то трагедию, то фарс и, по его собственному признанию, «подобна роману». Она ценна тем, что демонстрирует один из самых ранних примеров как ученичества, так и псевдоученичества у Канта, а также доносит до нас реакцию великого философа на «фантастические» и «парадоксальные» истолкования категорического императива. Кроме того, благодаря открывшимся архивным данным в статье корректируются справочные материалы академического издания Канта Прусской академией наук.

Подводя своего рода историко-социологические итоги не только данной статьи, но и всего исследования на тему «Русские в "Кант-штудиен"», следует отметить, что всего за период существования этого ведущего кантоведческого журнала в нем было опубликовано свыше 100 разного рода материалов отечественных авторов или о них, что составляет около 2% общего количества публикаций. Эта цифра позволяет сделать вывод о достаточно значимом присутствии русских исследователей Канта в общемировом кантоведении. Влияние российских (советских) философов могло бы быть больше, если бы не период изоляции во времена СССР. Очевидно, что одной из причин сравнительно небольшого участия отечественных философов в глобальном кантоведческом форуме является и недостаточное их владение иностранными языками, что не позволяет российским авторам в полной мере представить свои исследования зарубежным читателям. В последние годы эта негативная тенденция стала меняться в лучшую сторону,

---

⁷ Рубинштейн Моисей Матвеевич (15 июня 1878 — 3 апреля 1953) — советский психолог и педагог. Организатор и первый ректор Восточно-Сибирского университета (1918—1920) в Иркутске. Занимался вопросами теории личности, социальной психологии, педагогической психологии, психологии юношества, отстаивал принцип взаимодействия семьи со школой.

и в результате за последние 10 лет наметился некоторый как количественный, так и качественный (теоретические статьи вместо рецензий и обзоров) рост публикаций отечественных авторов в «Кант-штудиен», что позволяет сдержанно надеяться на интеграцию отечественных философов (и ученых в целом) в мировое научное сообщество.

Список литературы

1. Асмус В. Ф. Диалектический материализм и логика. Очерк развития диалектического метода в новейшей философии от Канта до Ленина. Киев, 1924.
2. Асмус В. Ф. Диалектика Канта. М., 1929.
3. Боричевский И. Идеалистическая легенда о Канте // Вестник Социалистической академии. 1923. Кн. 4. С. 285–308.
4. Богомолов А. С. (ред.) Кант и кантианцы: критические очерки одной философской традиции. М., 1978.
5. Гринишин Д. М., Михайлов М. М., Прокотьев В. П. Иммануил Кант : краткий очерк жизни и научной деятельности. Л., 1976.
6. Гулыга А. В. Кант. М., 1977.
7. Деборин А. М. Диалектика у Фихте // Архив К. Маркса и Ф. Энгельса. 1927. Кн. 3. С. 7.
8. Деборин А. М. Легкомысленный критик (ответ на статью Боричевского «Идеалистическая легенда о Канте») // Вестник Коммунистической академии. 1924. №7. С. 255–272.
9. Деборин А. М. Очерки по истории диалектики. I: Диалектика у Канта // Архив К. Маркса и Ф. Энгельса. 1924. Т. 1. С. 13–75.
10. Зуев И. Е. Элементы диалектической логики в трансцендентальной логике И. Канта. Смоленск, 1960.
11. Ильенков Э. В. Предмет логики как науки в новой философии // Вопросы философии. 1965. №5. С. 71–82.
12. Мостепаненко А. М. Космологические антиномии Канта и проблема диалектического противоречия // Вестник ЛГУ. 1970. №11. С. 71.
13. Нарский И. С. [Иммануил] Кант. М., 1976.
14. Нарский И. С., Калинин Л. А. Кантовское общество в ФРГ и его журнал «Kant-Studien» // Кантовский сборник. 1985. №10. С. 94–98.
15. Рубинштейн М. М. О смысле жизни. Л., 1927. Т. 1. ; Философия человека. Л., 1927. Т. 2.
16. Сережников В. Кант. М. ; Л., 1926.
17. Тевзадзе Г. Иммануил Кант. Тбилиси, 1974.
18. Философия Канта и современность / под ред. Т. И. Ойзермана. М., 1974.
19. Шапкевич П. Д. Теория познания Иммануила Канта. М., 1960.
20. Brelage M. (Buchbesprechung) N. Hartmann. Kleinere Schriften. Bd. 2 : Abhandlungen zur Philosophie-Geschichte // Kant-Studien. 1958/59. N 50. S. 240–244.
21. Brelage M. N. Hartmann. Kleinere Schriften. Bd. 3 : Von Neukantianismus zur Ontologie // Kant-Studien. 1958/59. N 53. S. 107–111.
22. Bryushinkin V. Kant, Frege and the Problem of Psychologism // Kant-Studien. 1999. N 90. S. 59–74.
23. Bryuschinkin W. Kants Philosophie und moderne Logik. Eine Tagung in Swetlogorsk // Kant-Studien. 1994. N 85. S. 85.
24. Call for Papers: Kaliningrad 2004 // Kant-Studien. 2003. N 94. S. 400–401.
25. Ein Kant-Denkmal in Goldap // Kant-Studien. 1997. N 88. S. 512.
26. Faradzhev Kirill. M. Rubinsteins Projekt der Praktischen Philosophie des Neukantianismus: Pädagogik Als Angewandtes Wertesystem // Kant-Studien. 2011. 102 (2). S. 191–201.

27. Herrigel H. Der philosophische Gedanke Nicolai Hartmanns // Kant-Studien. 1959/1960. N. 51. S. 3–29.
28. Kant-Stipendien für Nachwuchswissenschaftler aus Kaliningrad und St. Petersburg // Kant-Studien. 1999. N 90. S. 512.
29. Keber E. N. Hartmann. Kleinere Schriften Bd. I, Abhandlungen zur systematischen Philosophie // Kant-Studien. 1958/1959. N 50. S. 233.
30. Kojève Alexandre. Kant. Paris, 1952.
31. Kopper J. A. Kojève. Kant // Kant-Studien. 1975. N 66. S. 142–145.
32. Krouglov Alexei N. Leo Nikolaevič Tolstoj als Leser Kants. Zur Wirkungsgeschichte Kants in Russland // Kant-Studien. 2008. N 99. S. 361–386.
33. Krouglov Alexei N. «Mein Leben gleicht einem Roman...»: Kants Schüler Friedrich August Hahnrieder und seine Geschichte Heft 2 der KS 2012, S. 242–253 // Kant-Studien. 2012. N 103. S. 242–253.
34. Kurpakov V., Stark W. Kaliningrad, 21. – 24. September 1999, ein kurzer Bericht [über eine Kant-Tagung] // Kant-Studien. 2000. N 91. S. 255–256.
35. Lossky Nikolai. Personalistischer Idealrealismus // Kant-Studien. 1959/60. N. 51. S. 387–409
36. Lütte R. E. Staffa / R. Malter. Kant in Königsberg seit 1945 // Kant-Studien. 1985. N 76. S. 355.
37. Malter R. G. Tewsadse. Immanuel Kant // Kant-Studien. 1977. N 68. S. 360.
38. Malter R. G. Immanuel Kant // Kant-Studien. 1986. N 77. S. 355–365.
39. Malter R. G. (Berichte und Diskussionen) Kantiana in Dorpat // Kant-Studien. 1983. N 74. S. 479–486.
40. Malter R. G. Kantiana in Estland // Kant-Studien. 1987. N 78. S. 515.
41. Malter R. G. Kant in Königsberg («Kaliningrad») // Kant-Studien. 1988. N 79. S. 129–130.
42. Malter R. G. Kant in Königsberg («Kaliningrad») (II) // Kant-Studien. 1989. N 80. S. 126.
43. Malter R. G. Kant in Kaliningrad (III) // Kant-Studien. 1990. N 80. S. 128.
44. Malter R. G. Kant in Kaliningrad (IV) // Kant-Studien. 1991. N 82. S. S. 518–519.
45. Malter R. G. Kant in Kaliningrad (V) // Kant-Studien. 1994. N 85. S. 126–127.
46. Malter R., Staffa E. Kant in Königsberg seit 1945. Eine Dokumentation, unter Mitarbeit von Peter Wörster. F. Steiner Verlag, Wiesbaden 1983.
47. Motroschilowa Nelly. Kant in Rußland. Bemerkungen zur Kant-Rezeption und – Edition in Rußland anlässlich des Projektes einer deutsch-russischen Ausgabe ausgewählter Werke Immanuel Kants // Kant-Studien. 2000. N 91. S. 73–95.
48. Matjus Ü., Stolowitsch L. Kant. Prolegomena igale tulevasele metafüüsikale, tri Saar // Kant-Studien. 1987. N78. S. 333.
49. Oizerman T. I. Die Erforschung der Philosophie I. Kants in der Sowjetunion // Kant-Studien. 1974. N 65. S. 284–300.
50. Polikanova O. I., Naumenko I. A. Bibliographie Sowjetischer Untersuchungen zur Philosophie Kants (1917 bis 1971) // Kant-Studien. 1976. N 67. S. 253–267.
51. Rubinstein M. Die logischen Grundlagen des Hegelschen Systems und das Ende der Geschichte // Kant-Studien. 1906. N 11. S. 40–108.
52. Seebohm Thomas M. A. Gulyga. Kant // Kant-Studien. 1979. N 70. S. 234–236.
53. Staffa Ernst. A. S. Bogomolov (ed.) Kant i kantiancy // Kant-Studien. 1982. N 73. S. 374–375.
54. Staffa Ernst. D. M. Grinišin, M. M. Michajlov, B. P. Prokop'ev: Immanuel Kant // Kant-Studien. 1981. N 72. S. 110.
55. Staffa Ernst. I. S. Narskij. Kant // Kant-Studien. 1982. N 73. S. 363–364.
56. Staffa Ernst. Kantovskij Sbornik // Kant-Studien. 1982. N 73. S. 375.
57. Staffa Ernst. O. I. Polikanova, I. A. Naumenko, Moskau, R. D. Kluge, Mainz. Bibliographie sowjetischer Untersuchungen zur Philosophie Kants (1917–1971) // Kant-Studien. 1976. N 67. S. 253–267.

58. *Tatievskaya Elena*. Cohns Erkenntnistheorie und Russels Relationsbegriff // Kant-Studien. 2004. N 95. S. 355–375.

59. *Wolandt Gerd*. Hartmanns Weg zur Ontologie // Kant-Studien. 1963. N 54. S. 304–317.

60. *Zeman Vladimir*. T.I. Oizerman (ed.). Filosofia Kanta I sovremennost // Kant-Studien. 1976. N 67. S. 598.

61. *Žučkov V.A.* Bibliographie sowjetischer Untersuchungen zur Philosophie Kants (1972–1976) // Kant-Studien. 1982. N 73. S. 488.

Об авторе

Саликов Алексей Николаевич — канд. филос. наук, заместитель директора Института Канта Балтийского федерального университета им. И. Канта, salikov123@mail.ru

About translator

Dr. *Alexei Salikov*, deputy director of Kant Institute, IKBFU, salikov123@mail.ru